

Берлинский ключ, или Как делать слова с помощью вещей

Бруно Латур

Профессор, директор, Медиалаборатория, Институт политических исследований (Sciences Po). Адрес: 27 rue Saint-Guillaume, 75337 Paris, Cedex 07, France. E-mail: bruno.latour@sciencespo.fr.

Ключевые слова: технология; цепочки связей; проводник; посредник; антипрограмма.

В статье на одном компактном эмпирическом случае — ключа, используемого в пригородах Берлина, — демонстрируется несостоятельность традиционного разграничения между пространствами «символического» и «материального». Как утверждает автор, никто и никогда не видел человеческого общества, которое не было бы построено с помощью вещей, а вещи не существуют, не будучи заполненными людьми, и чем они современнее и сложнее, тем больше людей «роются» с их помощью. Циркуляции, перемещения, переносы, переводы, замещения, кристаллизации — все разнообразие движений между человеческим и нечеловеческим можно продемонстрировать на примере одного материального объекта.

Симуляция взгляда археолога (только археологи сейчас изучают артефакты, хотя бы отдаленно напо-

минающие то, что в современной философии называется объектом) обнаруживает встроенную в объект — ключ — программу действий, систему социальных отношений и дисциплинарных практик. Но в то же время ключ отказывается быть только инструментом или репрезентацией социальных отношений. Материальный объект не просто репрезентирует социальные отношения: он их конституирует, воссоздает, модифицирует, формирует. Они не могли бы существовать без физического присутствия ключа и связанных с ним цепочек его изобретения, создания, использования, хранения и материальных модификаций. Этот пример описания объекта через цепочки посредников наглядно демонстрирует методологию АСТ и ее роль в преодолении оппозиции между социальным и технологическим.

МЫ плохо понимаем природу общества и совершенно не знаем сущность технического. Но наше положение все же не безнадежно, потому что мы можем внимательно проследить, как высказывания переходят из рук в руки, из уст в уста, от тела к телу, и мы вполне в состоянии увидеть, как эти высказывания, эти квазиобъекты, постепенно *наполняются*, усложняясь и становясь миром, внутри которого мы, люди, оказываемся и циркулируем. В антропологии науки и техники есть первый принцип, как и в термодинамике. Есть и второй. Это своего рода обобщенный дарвинизм: в некоем мифическом начале у высказываний нет содержания, но они циркулируют. Эта циркуляция определяет, очерчивает, выражает, маркирует, обозначает форму сообщества. Кто прерывает эти циркулирующие высказывания? Кто их трансформирует? Кто принимает их на свой счет? Кто покидает? Кто пренебрегает ими? Все эти вопросы определяют временную сущность группы. В свою очередь, коллектив оказывается смещенным, захваченным, преобразованным, переведенным, преданным всем тем, что придает высказываниям вес и наполняет их. Никто и никогда не видел коллектив, который бы не вычерчивался циркуляцией товаров, жестов, слов; никто и никогда не видел технику, которая бы не использовалась, не разделялась, не чинилась, не обменивалась в обществе — по определению¹.

Социальное измерение технологии? Это мало что проясняет. Давайте лучше признаем, что никто и никогда не видел человеческого общества, которое не было бы построено с помощью вещей. Материальный аспект общества? Этого по-прежнему недостаточно; вещи не существуют, не будучи заполненными людьми, и чем они современнее и сложнее, тем больше людей роится через них. Смесь социальных детерминаций и материальных ограничений? Это эвфемизм, так как дело уже давно не в смешении чистых

Перевод с английского Полины Хановой по изданию: © Latour B. The Berlin Key or How to Do Words with Things // Matter, Materiality and Modern Culture / P. M. Graves-Brown (ed.). L.: Routledge, 1991. Публикуется с любезного разрешения автора.

1. Данный абзац присутствует во французском тексте, но был опущен при публикации на английском. См.: Latour B. Inscire dans la nature des choses ou la clef berlinoise // *Alliages*. 1990. № 6. P. 4–16.

Рис. 1. «Это — ключ»

форм, взятых из двух больших резервуаров, в один из которых были бы сложены социальные аспекты значения или субъекта, в другой — материальные компоненты, принадлежащие физике, биологии и науке о материалах. Значит, диалектика? Если вам так нравится, но только при условии, что мы откажемся от безумной идеи, будто субъект полагается в его противоположности объекту, так как нет ни субъектов, ни объектов: ни в начале — мифическом, ни в конце — столь же мифическом. Циркуляции, перемещения, переносы, переводы, замещения, кристаллизации — движений, безусловно, много, но ни одно из них, пожалуй, не имеет ничего общего с противоречием.

В «Каталоге редкостных объектов» Жака Карельмана² не найти сюрреалистического ключа, который изображен выше, — и тому есть причина. Этот ключ существует, но только в Берлине и его пригородах³. Это один из тех объектов, которые, хоть и радуют сердца технологов, оборачиваются кошмаром для археолога. Археологи по факту — единственные в мире, кто изучает артефакты, хотя бы отдаленно напоминающие то, что в современной философии называется объектом. Этнологи, антропологи, фольклористы, экономисты, инженеры, потребители и пользователи не видят объектов. Они видят только планы, действия, поведения, распоряжения, привычки, эвристики, способности, комплексы практик, в которых одни комбинации более устойчивы, другие — более мимолетны, хотя никогда невозможно сказать, что — сталь или память, вещи или слова, камни или законы — гарантирует большую сохранность. Даже на бабушкином чердаке, на блошином рынке, на городских свалках, в кучах мусора, на заброшенных фабриках, в Смитсоновском институте объекты все еще полны жизни, вос-

2. *Carelman J. Catalogues des Objets Introuvables. P.: Livre de Poche, 1995.*

3. Я глубоко признателен Бернарду Йоргесу, подарившему мне этот ключ, и Ванфреду Швейцеру из *Kerfin Company*, который продал мне образец соответствующего замка, вполне реального, чтобы обеспечивать его средствами к существованию. Следует отметить, что эта статья была написана до падения Берлинской стены в Западном Берлине, в то время осажденном реальным социализмом.

поминаний, требований. В двух шагах от них всегда найдется тот, кто может завладеть ими и облечь новой плотью их побелевшие кости. Это воскрешение во плоти запрещено для археологов, потому что общество, создавшее эти артефакты и созданное ими, исчезло — полностью и навсегда. И даже когда им приходится, прибегнув к обратному инжинирингу, восстанавливать цепи связей, в которых этот артефакт — лишь одно из звеньев, стоит им только ухватить руками несчастный пыльный или ископаемый объект, реликт немедленно перестает быть объектом и возвращается в мир людей, начиная ходить по рукам уже прямо на месте раскопок, в классе, в научной литературе. Немного больше сопротивляется та часть цепи практик, которую и «объектом» не назовешь, кроме как в то время, когда она еще находится под землей, неведомая, выброшенная, скрытая, игнорируемая, невидимая, существующая в себе. Другими словами, видимых объектов нет и никогда не было. Объекты бывают только невидимыми и ископаемыми. Не лучшая новость для нововременных философов, которые так много говорили нам о наших отношениях с объектами, об опасности объективности, о самопозиционировании субъекта и прочих изощрениях.

Но, раз уж мы не нововременные философы (и тем более не постмодернисты), мы видим цепи связей и считаем, что существуют только они. Связи чего? Будем говорить, в первом приближении, о человеке (Ч) и не-человеке (НЧ). Конечно, еще можно провести различие (на любой данной цепи) между старыми различиями и нововременными. Ч-Ч-Ч-Ч-Ч походило бы на «социальные отношения», НЧ-НЧ-НЧ-НЧ-НЧ — на «машину», Ч-НЧ — на «интерфейс „человек-машина“», НЧ-НЧ-НЧ-НЧ-НЧ-Ч — «воздействие технологии на человека», Ч-Ч-Ч-НЧ-Ч-Ч-Ч — «инструмент, сделанный человеком», а НЧ-НЧ-НЧ-Ч-НЧ-НЧ-НЧ было бы уподоблено несчастным людям, сломленным давлением автоматизмов. Но зачем пытаться распознавать старые различия, если они заведомо искусственны и не дают нам проследить единственное, что имеет для нас значение и что существует: изменение этих цепочек связей? Мы больше не знаем, как характеризовать элементы этих цепочек, если они изолированы друг от друга. Говорить о «человеческих» и «нечеловеческих» элементах позволяет только грубое приближение, все еще заимствующее из нововременной философии отупляющую идею о том, что существуют люди и не-люди, тогда как есть только траектории и отсылки, пути и следы. Но мы знаем, что элементы, какими бы они ни были, заменяемы и изменяемы. Соединение (И) и замещение (ИЛИ) — вот что даст нам точность, которую никогда не дало бы различие между социальным

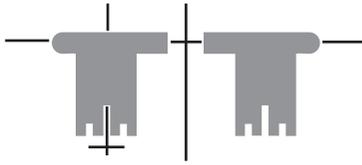

Рис. 2. Симметрия берлинского ключа

и технологическим, между людьми и вещами, между «символическим измерением» и «материальным принуждением». Давайте позволим временной форме людей и временной сущности материи возникнуть из этого исследования через соединения и замещения вместо того, чтобы исказить наше восприятие, решая заранее, что является социальным, а что — технологическим.

* * *

Что это такое? Для чего это нужно? Почему ключ с двумя бородками? И двумя симметричными бородками? Это что, какой-то розыгрыш? Археолог снова и снова вертит в руках берлинский ключ. Из того, что ей рассказали, она точно знает, что этот ключ — не шутка, что немцы действительно им пользуются, и пользуются (это важная деталь) для наружных дверей жилых домов. Она, конечно, заметила странность — тот факт, что две бородки ключа идентичны, и ее поразило отсутствие асимметрии зубцов. Конечно, она сама давно пользуется ключами, поэтому знает, какова их обычная ось вращения, и хорошо понимает, что любая из двух бородок может служить головкой ключа, создавая рычаг, достаточный, чтобы сдвинуть собачку замка.

Только потом она заметила желобок. Последний не мешал ключу поворачиваться, но восстанавливал асимметрию, если посмотреть на ключ в профиль. Однако при повороте ключа на 180° по его вертикальной оси обнаруживается такой же желобок на том же месте. Перевод, поворот на 360° по горизонтальной оси и на 180° по вертикальной — все это должно что-то значить, но что?

Она уверена в одном: если есть ключ, где-то должен быть и замок. Именно замок должен дать ключ к этой маленькой загадке. Однако, когда она взглянула на соответствующую замочную скважину, загадка только усложнилась.

Она никогда раньше не видела замочных скважин такой формы, но ей было очевидно, что все дело в зубце в горизонтальном отверстии, который позволит или не позволит вставить ключ с желобком в отверстие.

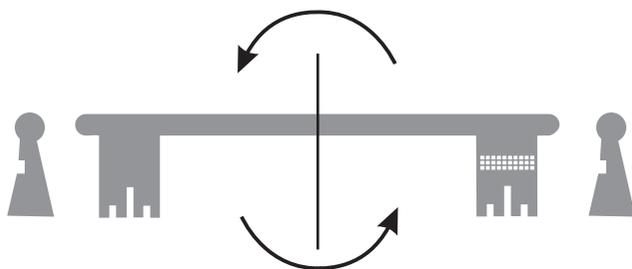

Рис. 3. Обратимость берлинского ключа

Рис. 4. Замочная скважина

Тем больше было изумление нашего археолога, когда, вставив ключ вертикально и повернув на 270° против часовой стрелки, она не смогла его вытащить. Замок был явно открыт, язычок ушел в короб, как и положено всякому приличному замку, наружная дверь открылась, но как она ни старалась, как ни дергала, толкала, крутила ключ, она не могла извлечь его. Единственным выходом было снова запереть дверь поворотом на 270° по часовой. Но так она снова оказывалась на улице перед запертой дверью, там же, где и начала.

Что за глупость! — говорит она себе. — Чтобы достать обратно ключ, я должна снова запереть дверь. Но я не могу остаться за дверью в парадной, заперев ее со стороны улицы. Дверь должна быть либо открыта, либо закрыта. И не могу же я терять ключ каждый раз, когда открываю дверь, разве что эта дверь асимметрична и должна оставаться незапертой, когда внутри кто-то есть. Если бы это был ключ от почтового ящика, тогда это еще можно было бы понять. Но это же абсурд: кто угодно может запереть меня внутри, повернув ключ, но ведь мы говорим о двери в жилой дом. А с другой стороны, если я поверну ключ в замке, не закрыв дверь, язычок замка не даст ей захлопнуться. Какой прок от двери, если ее замок заперт, но сама она открыта нараспашку?

Как хороший археолог, она приступает к исследованию особенностей загадочного ключа. Какое действие позволит ему сохранить

одновременно все элементы здравого смысла? Ключ служит, чтобы закрывать и открывать и/или запирает и отпирает замок; нельзя каждый раз терять ключ, оставлять его внутри или запирает открытую дверь, как и думать, что слесарь только забавы ради решил добавить этому ключу бородку. Какое действие соответствовало бы специфике этого ключа — две бородки, симметричные при повороте на 180° вокруг оси и идентичного профиля? Должно существовать решение. В этой маленькой социологической сети есть только одно слабое звено. «Черт возьми, конечно же!» Читатель, интересующийся топологией, житель Берлина, проницательный археолог, наверное, уже догадались, что это за действие. Если наша археолог не может извлечь ключ после того, как она повернула его на 270° , как во всех известных ей замках, она должна протолкнуть ключ, находящийся теперь в горизонтальном положении, сквозь механизм замка на другую сторону.

Она пытается совершить это абсурдное действие — и у нее получается. Не будем недооценивать сообразительность нашего археолога, но можно поспорить, что она могла бы простоять всю ночь перед дверью дома, прежде чем поняла бы, как попасть внутрь. Без посторонней помощи, без демонстрации, без подсказки она наверняка бы уже была в истерике. Ключ, проходящий сквозь стену, словно привидение, — как тут не испугаться. Это действие настолько непривычно, что ему можно научиться только у кого-нибудь другого, у берлинца, который, в свою очередь, научился этому у другого берлинца, который... и так далее, и так далее до самого изобретателя, которого назовем, раз уж я не знаю его имени, Прусским Слесарем. Будь наш археолог адептом символической антропологии, она, не сумев попасть внутрь, могла бы найти утешение, наделив этот ключ «символическим измерением»: в Западном Берлине до падения Стены люди предположительно чувствовали себя настолько изолированными, что делали ключи с двойной бородкой.

Вот, вот оно! Навязчивое повторение, массовый психоз осажденных, ось Берлин — Вена... Так и вижу себя пишущей славную статейку о скрытом смысле немецких технологических объектов. Ради этого стоило проторчать ночь на холодной берлинской улице.

Но наш друг, слава Богу, всего лишь хороший археолог, привычная к жестким ограничениям и диктату объектов.

Она снова стоит за дверью, ключ все еще в горизонтальной позиции, и думает, что теперь хотя бы сможет его вытащить. «Как

Уличная сторона

Внутренняя сторона

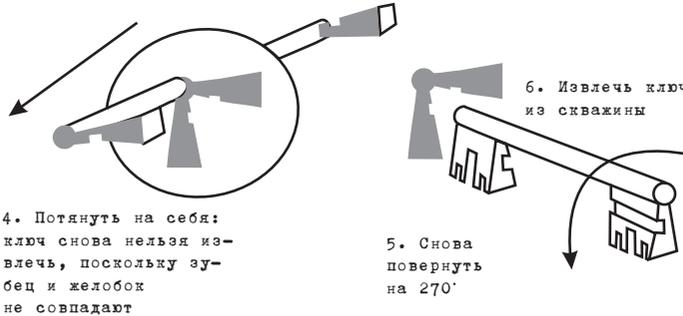

Рис. 5

это по-немецки, — думает она. — Зачем делать проще, когда можно сделать сложнее?»

Однако стоило нашему археологу решить, что она распутала загадку, как она снова оказывается близка к провалу. Когда они с ключом — археолог человеческим путем, ключ призрачным — проникли на другую сторону, археолог все равно не смогла извлечь из замка заветный ключ. Она тянет и толкает — все без толку, ключ по-прежнему не проявляет ни малейшего желания покидать замок, как и когда он был на другой стороне. Нашему археологу ничего не остается, кроме как вернуться на исходную позицию, на улицу, протолкнув ключ-призрак обратно в горизонтальном положении, снова запереть дверь и снова оказаться снаружи — на холодной улице, зато с ключом в руках!

Она начинает все сначала и, наконец, понимает (кто-то ей показал, она прочитала какую-то инструкцию или просто долго тыкалась наугад и угадал), что, только если она снова запрет за собой дверь изнутри, ей, наконец, будет позволено забрать ключ. О радость, о счастье — она поняла, как это работает!

Но эти восторги преждевременны. Когда утром, часов в десять, она хочет показать своему другу, какой из нее вышел хороший

берлинец и хороший археолог, она торжественно садится в лужу. Вместо того чтобы продемонстрировать новоприобретенный навык, она не может повернуть ключ больше, чем на пять градусов. На этот раз дверь все время открыта и не дает себя запереть. Только в десять вечера, возвращаясь домой из кино, ей удается применить свое ноу-хау к двери, поскольку она, как и прошлой ночью, заперта. И ей приходится принять добровольное участие в этом герметизме, заперев за собой дверь, чтобы забрать свой драгоценный ключ.

Только на следующее утро в восемь часов ей удается встретить консьержа. Когда тот извлекает из двери свой ключ, археолог получает ключ к разгадке.

Ключ смотрителя — без желобков, он тоньше, и у него на классический манер всего одна бородка. Консьерж, и только он, может запирает и отпирает дверь, когда ему вздумается, вставляя ключ в скважину в горизонтальном положении, но вынимая его так, как это делают в Париже, — спокойно оставаясь внутри своего жилища. После этого действия жильцы дома либо не могут запереть дверь (в течение дня), либо вынуждены запирает ее за собой (с восьми вечера до восьми утра). В Берлине этот стальной ключ выполняет механическим способом ту же функцию, что в Париже — электронные дверные коды.

Наша археолог, будучи немного подкованной в социологии, была весьма обрадована тем, как Прусский Слесарь обязал всех жителей Берлина следовать строгой коллективной дисциплине, и уже готовилась написать на эту тему статью в духе Фуко, как вдруг ее коллега из Научного центра (*Wissenschaft Zentrum*) извлек из кармана берлинский ключ, с которого он аккуратно спилил желобки! Его ключ обрел полное сходство с ключом консьержа. Вместо того чтобы покорно запирает за собой дверь, он мог оставить ее открытой для своих ночных посетителей или днем запереть ее перед носом у непрошеного гостя, аннулируя действия консьержа... Хозяин своей судьбы, он обманул Прусского Слесаря. Да, ключ с двумя бородками и его последующая нейтрализация — подходящий символ для этого противоречивого города...

Коль скоро мы решили называть «сценарий» устройства его «программой действия», какова программа действия этого ключа? «Пожалуйста, запирайте за собой дверь по ночам, но никогда не делайте этого днем». В какой материал переводится эта программа? В слова, конечно. Все большие города, все советы жильцов, все профсоюзные газеты, все каморки консьержей завалены жалобами, замечаниями, обвинениями и нытьем по поводу дверей и того факта, что их то невозможно запереть, то невозможно отпереть.

Рис. 6

Но если бы вопрос исчерпывался словами, записками, воплями «Запирайте дверь!» или объявлениями, мы бы находились всего лишь в мире знаков. Если бы мы жили в те благословенные времена, когда консьержи день и ночь не смыкали глаз, чтобы внимательно рассмотреть входящего и только тогда потянуть за дверной шнур, мы бы погрузились в мир социальных отношений (чуть не забыл: за исключением шнура, который позволяет рабу в будке не подниматься со стула). Эти отношения и порожденные ими осуждающие взгляды и потные ладони послужили развитию сюжета не одного романа. Но в случае с берлинским ключом мы обнаруживаем, что не находимся всецело ни в мире знаков, ни в области социальных отношений. Находимся ли мы в мире технологий? Разумеется, да, поскольку имеем здесь дело с замочными скважинами и замечательным стальным ключом с бородкой, канавками и зубцами. И одновременно, конечно, нет, потому что имеем дело с ноу-хау, пунктуальными консьержами и самовольными ловкачами, не говоря уже о нашем Прусском Слесаре.

Назовем антипрограммами все устройства, предназначенные для того, чтобы аннулировать, разрушать, ниспровергать и обходить программы действий. Вор, пытающийся проникнуть в дверь, представители противоположного пола — все они преследуют свои антипрограммы (конечно, с точки зрения нашего преданного консьержа). Никто не признал за ними право на проход через главный вход, но они настаивают на том, чтобы войти. Курьеры, торговцы, почтальоны, врачи, законные супруги тоже хотят проходить внутрь в течение дня и уверены, что обладают необходимым на это разрешением. Берлинский ключ, дверь и консьерж вовлечены в жестокую битву за контроль и доступ. Можно ли сказать, что социальные отношения между съемщиками и хозяевами, жильцами и ворами, обитателями и посыльными, собственниками и консьержем опосредованы ключом, замком и Прусским Слесарем? Слово «посредничество», хоть и удобное, может стать и настоящим рассадником невежества, в зависимости от того, какой смысл ему придается. Один слышит в нем «проводник» (*intermediary*), другой — «посредник» (*mediator*).

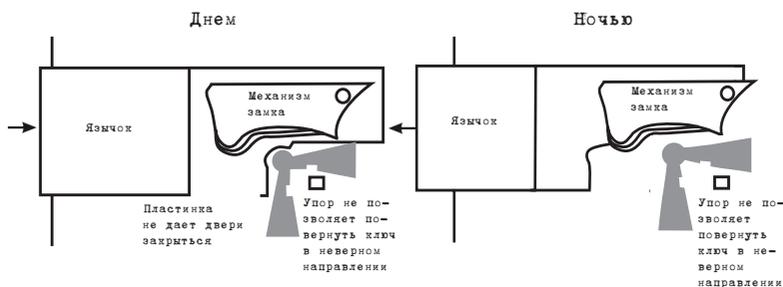

Рис. 7

Если ключ — проводник, то сам по себе он всего лишь переносит, передает, перемещает, воплощает, выражает, овеществляет, объективирует, отражает значение фразы «Запирайте за собой дверь по ночам, но днем — никогда», или, в более политическом ключе: «Давайте прекратим классовую войну между хозяевами и съемщиками, богачами и ворами, правыми берлинцами и левыми берлинцами». Дайте мне берлинское общество, и я скажу вам, какой формы ключ! Технология — не более чем дискурс, полностью выразимый в других медиа. Но тогда откуда этот ключ, эти бородки, эти сюрреалистические замочные скважины и нюанс с перевернутой горизонтальной щелью? Если переход на язык стали, меди и дерева ничего не меняет, значит, технологические средства вообще не имеют значения. Они — только украшение, повод бездельникам потреть языками. Материальный мир предстает перед нами лишь для того, чтобы служить зеркалом социальных отношений и источником развлечения для социологов. Конечно, он переносит смысл, он может принимать его, но он не производит его. Социальное производится где-то еще, всегда где-то еще.

Все меняется, если слову «посредничество» придать значение «деятельность посредника». Тогда смысл уже не просто переносится средой, но частично конституируется, перемещается, воссоздается, модифицируется, короче говоря, выражается и передается. Нет, асимметричная замочная скважина и ключ с двумя бородками не «выражают», не «символизируют», не «отражают», не «овеществляют», не «объективируют», не «воплощают» дисциплинарные отношения; они создают их и формируют. Само понятие дисциплины не имеет смысла без стали ключа, без дерева двери, без язычка замка. Доказательство? Хозяева не преуспели бы в конструировании устойчивого социального отношения, основанного исключительно на дисциплине, вербальном убеждении, печатных объявлениях, предупреждениях и хороших манерах. Дверь оставалась бы настежь открытой ночью или запертой днем. Вот почему им при-

шлось распространить сеть отношений дальше, заключить новые союзы, завербовать Прусского Слесаря и мобилизовать математику с ее принципами симметрии. Социальное не конструируется только из социального — вот почему ему нужны ключи и замки. А поскольку классические замки дают слишком много свободы, нужны ключи с двумя бородками. Смысл не предшествует технологическим решениям. Проводник не был средством для цели, напротив, посредник становится одновременно средством и целью. Из простого инструмента стальной ключ возводится в достоинство посредника, социального актора, агента, активного существа.

Что же до симметрии и маленького нарушения симметрии, которое обнаруживается, когда заглядываешь в замочную скважину, — являются ли они социальными отношениями? Это значило бы приписать им одновременно слишком много и слишком мало. Слишком мало, потому что так живет весь Берлин: невозможно вынуть ключ из-за зубца в горизонтальной щели. Значит, это социальные отношения, отношения власти? Нет, потому что ничто не предвещало, что понадобится союз между нарушенной симметрией, ключом с двумя бородками и слишком ответственным консьержем для того, чтобы превратить в обязательный пункт программу действий, которая прежде состояла только из слов и обычаев. Если я беру ключ с двумя бородками, позволяющий мне войти в мой дом, обязывающий меня запереть за собой дверь ночью и запрещающий мне запирать ее днем, разве я имею дело не с социальными отношениями, моралью и законами? Конечно, но отлитыми из стали. Определить их как продолжение социальных отношений другими средствами было бы не так плохо, если бы мы были в состоянии распознать в средствах, средах и посредниках их замечательную изменчивость, то замечательное достоинство, в котором нововременная философия до сих пор им отказывала.

Вместе с их изменчивостью нужно также осознать их хрупкость, эту примечательную слабость, в которой им отказывают на этот раз уже технологи. Достаточно одного ловкача, вооруженного напильником, чтобы лишить консьержа роли альтернативного зрителя. И этот консьерж, в свою очередь, должен быть дисциплинирован. Нет смысла оставлять ключ на его ответственность, ведь человека, консьержа, тоже нужно контролировать, чтобы он пунктуально запускал механизм утром и вечером. И надежность этой цепочки «хорошее социальное поведение — практическое ноу-хау — консьерж — ключ — замок — дверь» не менее временна, ведь хитроумный электронный код может превратить бдительность консьержа в электрический сигнал, регулирующий-

ся часами, а стальной ключ — в код, который я должен буду запомнить. Что более хрупко: 45-68E (код от моей двери) или красивый стальной ключ? Что более технологично: сталь или фраза «конец войны — май 1968-го — Европа», которую я повторяю про себя в конце дня, чтобы вспомнить то, что позволяет мне войти в собственный дом? Стальной ключ или мнемотехническая считалка, запечатленная в моих нейронах, — что надежнее?

Задумайся о вещах — и придешь к людям. Задумайся о людях — и самим этим фактом уже окажешься заинтересованным вещами. Стоит положить глаз на твердые неизменные вещи, и они становятся мягкими, гибкими или человечными. Обрати взгляд на людей — и наблюдай, как они превращаются в электрические цепи, автоматические устройства, программный код. Мы не можем даже четко определить, что делает одних людьми, а других — техникой, однако мы можем точно задокументировать их модификации и замещения, их перестроения и союзы, делегирования и репрезентации. Займитесь технологией — и вот вы социолог. Стоит вам заняться социологией — и вам придется стать технологом. Избежать этой обязанности, этой связи, этих последствий, этого занятия — не проще, чем войти в берлинский дом ночью и не запереть за собой дверь. Нынче (и уже на протяжении двух-трех миллионов лет) это вписано в природу вещей.

Читатели, вероятно, с самого начала удивляются, как жителям Берлина удастся вешать свои сюрреалистические ключи на кольцо, не говоря уже о том, что две бородки вместо одной удваивают шансы порвать карман. Не буду оставлять их в недоумении. Прусский Слесарь и здесь приложил свое мастерство и изобрел берлинский брелок — кошелечек, снабженный зубцами и держащий бородку ключа, к которому крепится кольцо, в свою очередь позволяющее привесить ключ к брелоку, брелок же можно пристегнуть к ремню.

С посредников всегда начинаются цепи посредников, также известные как сети. На них дело никогда не заканчивается. Но социологи, как и технологи, их братья-враги, верят, что могут пройти всю цепь до конца — одни с социальным, другие с объектами. Единственное, что им не удастся довести до конца, — свою братоубийственную войну, мешающую нам понять мир, в котором мы живем.

Библиография

- Carelman J. Catalogues des Objets Introuvables. P.: Livre de Poche, 1995.
Latour B. The Berlin Key or How to Do Words with Things // Matter, Materiality and Modern Culture / P. M. Graves-Brown (ed.). L.: Routledge, 1991. P. 10–21.

THE BERLIN KEY, OR HOW TO DO WORDS WITH THINGS

BRUNO LATOUR. Professor, Director, Médialab, bruno.latour@sciencespo.fr.
Institut d'Études Politiques de Paris (Sciences Po), 27 rue Saint-Guillaume, Paris,
Cedex 07 75337, France.

Keywords: technology; chains of associations; mediator; intermediary; anti-program.

The paper presents a model case study of an object, namely a peculiar type of key used in the outskirts of Berlin. The case is designed specifically in order to demonstrate the futility of the traditional dichotomy between the “symbolic” and “material.” No one has ever seen a human society not built with material things, and no material thing exists without people filling it with meanings. The more modern and complex the thing is, the more people swarm into it. Circulations, transitions, transpositions, translations, emanations, substitutions, enactments — all kinds of movement between the human and the inhuman can be seen in a single material thing.

The key, from an archeological point of view, contains a program of actions, a system of social relations and disciplinary practices. At the same time, it refuses to be just a representation of social reality: it transforms, constitutes, and modifies it. The social cannot exist without the chain of mediums connected to the physical key (its design, its inventor, its modifications, etc.). This technique of describing an object through chains of relations is the point of actor-network theory, a means to overcome the split between the social and the technical.

DOI: 10.22394/0869-5377-2017-2-157-169

References

- Carelman J. *Catalogues des Objets Introuvables*, Paris, Livre de Poche, 1995.
Latour B. The Berlin Key or How to Do Words with Things. *Matter, Materiality and Modern Culture* (ed. P. M. Graves-Brown), London, Routledge, 1991, pp. 10–21.